

она даже не могла хладнокровно вспомнить; а вслѣдствіе постоянныхъ, и хотя упорныхъ, но не всегда удачныхъ стычекъ на улицѣ, она въ послѣднее время почти не выходила со двора. Третье августа приходилось въ воскресный день.

Алексѣй Ивановичъ одѣлся въ чистую рубаху, въ свою лучшую свиту и, съ не малымъ замираніемъ сердца, отправился въ село Бѣлыя Глины.

Въ глубинѣ души своей онъ еще далеко не былъ увѣренъ въ благоприятномъ исходѣ дѣла. Во-первыхъ, судиться пришлось не у того «мирового», который такъ рѣшительно призналъ неоспоримость его купчей. А во-вторыхъ, его очень смущала самоувѣренность Писарька, который не только не заводилъ болѣе никакихъ съ нимъ переговоровъ, но и самую спорную землю раздавалъ на-право и на-лѣво всѣмъ желающимъ, точно не могло быть даже сомнѣній въ его правѣ распоряжаться ею по произволу. Для вѣчно опасливаго крестьянина такое нахальство являлось просто непостижимымъ. «Вить, значить, надѣется же онъ на что да нибудь!» говорилъ себѣ Алексѣй Ивановичъ... На арендаторовъ тоже отнюдь не дѣйствовали ни его увѣщанія, ни угрозы. Положимъ, они—свой братъ, мужики: «чево они понимаютъ?» Имъ бы вотъ только землю подешевле снять, а тамъ—что будетъ! «Мало ли насъ, дураковъ, такъ-то надуваютъ? Въ лучшемъ видѣ!» Однако...

Однако, на душѣ у Алексѣя Ивановича, когда онъ шагаль по дорогѣ въ Бѣлыя Глины, было очень и очень скверно.

Нѣсколько утѣшили его знакомые крестьяне изъ сосѣдняго села, которые тоже пробирались «въ мировому» кучкою въ пять человекъ, и къ которымъ онъ присталъ на пути. Эти знакомцы горячо и наперерывъ расхваливали судью второго участка. «Будь спокоенъ!» говорили они Алексѣю Ивановичу: «коли твое дѣло правое, энтотъ ни за что не выдастъ. Онъ не то что на Писарька, а ни на кого, какъ есть, не поглядить—было-бъ твое дѣло правое. Да! Судья, одно слово, Бога за него молить—больше ничево! Опять же ни онъ тебя облаетъ, какъ другіе прочіе, ни онъ тобой погнушается, а либо поскучаетъ. Иной разъ сидитъ, сидитъ, сердешный, въ каморѣ-то своей—все судить, все судить—инда нашему-то брату тошно станеть, животы подведеть; а онъ—ничево! Да еще что, братецъ ты мой, даже послѣ суда, ужъ онъ и цѣпь съ себя скинетъ, домой бы ему идти—глядь, а кто-нибудь изъ просителейъ, посмѣлѣе, значить, и подойдетъ къ ему—такъ, значить, по своему дѣлу. Ну, и что-жъ ты думаешь? Ничево, ей Богу, ничево! И послушаетъ, и расскажетъ